

екатерина
СИМОНОВА

РУССКИЙ
ГУЛЛИВЕР

сад
со
ЛЬДОМ

Екатерина Симонова

Сад со льдом

ИП «Центр современной литературы»

Симонова Е.

Сад со льдом / Е. Симонова — НП «Центр современной литературы»,

ISBN 978-5-91627-060-0

Екатерина Симонова родилась в 1977 г. Окончила филологический факультет Нижнетагильского пединститута. Начала печататься в 1997 г. в составе группы поэтов, получившей название «Нижнетагильский поэтический ренессанс». Публиковала стихи в антологиях «Братская колыбель», «Ле Лю Ли», «Современная уральская поэзия: 1997—2003», журналах и альманахах «Вавилон», «Воздух», «РЕЦ», «Стетоскоп», «Урал», «Уральская новь» и других. В 2004 г. выпустила первую книгу стихов «Быть мальчиком». В 2009 г. выиграла Большой Уральский поэтический слэм. Живёт в Нижнем Тагиле.

ISBN 978-5-91627-060-0

© Симонова Е.
© НП «Центр современной
литературы»

Содержание

Предисловие	7
«Она плачет в твоём сне...»	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Екатерина Симонова

Сад со льдом

«Сад со льдом»... Что-то застывшее. Остановка в пути? Сбой дыхания? Средневековая красавица, зачарованно глядящаяся в серебряное зеркало и видящая там лишь самоё себя – или нет, пустую комнату?.. И да, и нет. Совпадение себя с собой – и, в то же мгновение, мимолётный шаг в сторону: чтобы образовался зазор для воздуха, для вдоха...

Стихи Екатерины Симоновой состоят, кажется, не из слов, обозначающих предметы, а словно бы из самих предметов: шершавых и странных, гладких или непонятных, утративших свой первоначальный смысл (а, может быть, наоборот, приобретших его – ведь разве является их бытовой, утилитарный смысл основным?) – но открытых и удивительных, как в детстве. Из ниточек, за которыми проглядывает грубая основа гобелена; из мелких деталек и позвонков, из привкуса ползущей по боку запотевшего стакана капли... Но главное – из того, что находится между ними. Из зазоров, в которых стоит, как вода, глубочайшее Молчание – из которого и рождаются все люди и вещи, сколько их ни есть на земле...

Читая эти стихи, забываешь о Времени, которое, как мы привыкли, мчит куда-то жирной однонаправленной стрелой; об Истории, спешащей вслед за ним по вектору. Забываешь – и начинаешь просто недоверчиво приглядываться в бессловесности к взлетающим и опускающимся качелям, к проблескам огня на стёклах маяка, к полёту бабочки или падению цветка акации – когда, как (опять же) в самом раннем детстве, все звуки разносятся далеко-далеко – но значат не больше (и не меньше), чем своё собственное дыхание.

По меткому замечанию неоплатоника Саллюстия, «миф – это то, чего никогда не было, никогда не будет, но есть всегда». Если пользоваться этим определением, то можно сказать, что стихи Симоновой полностью, насквозь мифологичны. Они находятся в пространстве того «всегда», из которого и состоит любое «сейчас» – или, если угодно, в пространстве того «сейчас», без которого никакое «всегда» немислимо.

Алексей АФОНИН

Рукодельность – первое, что замечаешь в стихах Екатерины Симоновой. Но не в том «ругательном» качестве, с каким прикладывали это слово к женской поэзии в прошлом веке, мстительно подчёркивая именно его женскость, ограниченность полом (в смысле гендерную, а не полом без потолка). Нет-нет, здесь рукодельность имеется в лучшем своём явлении, заставляющем вспомнить, что всё человеческое, в отличие от Божеского и даже просто божественного, – сплошь РУКОдельно, руками сделано или взято. И в этих стихах РУКА так естественно прорастает в мир, даёт ему начало, выпускает его на волю, а, впрочем, и в смерть, в печальную конечность: «...волосы становятся длиннее реки, из вышитого воздуха выпархивает стрекоза».

И – да – поэзия Симоновой – это женский мир, опять-таки в самом ярком (как «детский мир») и вместе с тем философски громадном смысле.

Здесь – широко и разнообразно живущее Инь, не только и не столько тёмное-холодное, но – присваивающее, созидающее, изнывающее по нескончаемости и принимающее конечность бытия. Все эти волосы, нитки, ткани, утварь и гобелены, бельё и духи, бусы, кровать, свеча, занавески, дом во всём его составе («речные волны, как волосы, шёлковы и легки, связывающие тело и небеса»).

И на этом чудесном, соблазнительном – не игриво и легкомысленно, но обязывающе и очень серьёзно влюбляющем в себя – фоне фактически в каждом тексте делается открытие. Подмывает сказать – «маленькое». Но опять нет. «Смертность, конечно, сродни невинности» – разве это открытие мало? А это, о раковине – «обманно манящая перламутром не в темноту, а – из, не тонущая, нет – плывущая вниз»? Какой стремительный и точный взгляд! Или – «время сотрёт не тебя – только твои черты, как ласточку на лету»... Восхитительно!

Есть в этих стихах и какая-то системная незавершённость. Недаром возникают строки вроде «чтобы уплакать и припасть навеки. На пьльцах – незаконченные реки...» Это незавершённость не от неумелости и не от замысла поэта. Это незавершённость, продиктованная реальностью (и сном). И запечатлённая чаще всего без ошибок.

Аркадий ЗАСТЫРЕЦ

Поэтический мир книги Екатерины Симоновой предельно широк – здесь и моря, и дома, и таинственные замкнутые пространства, где, тем не менее, тонка и неразличима граница между внешним и внутренним. Отказ устанавливать границы между миром поэта и поэтом в мире оказывается особым подвигом, жестом отчаяния и надежды одновременно.

Центральный персонаж книги – не лирический герой, но и не отвлечённое «третье лицо», может быть, «я» при взгляде со стороны – женщина, «она», «не взятая ни дочкой, ни женой», но это обманывает, уводит в сторону лишь вначале – перед нами не персонаж гендерно-феминистического дискурса, а проводник – проводница – между наполненной конкретикой реальностью и неуловимыми эмоциями внутренней жизни отдельно взятой – буквально – взятой отдельно от мира – жизнью человеческой души.

Евгения РИЦ

Стихи Екатерины Симоновой всегда были как сад – причудливый, избыточный, барочный, в саду была собственная гармония – и ирония.

Возделывали этот воображаемый чувственный сад исключительно женщины. Сад менялся, в нём появлялись заросшие уголки, неубранные листья, пустоты, сломанные ветки – не в ущерб красоте.

Появилась незащитность перед стихиями. Глубина.

Татьяна МОСЕЕВА

В поэзии Екатерины Симоновой – с годами – внятный и мощный лирический импульс, дающий жизнь стихам, не тускнеет, не затухает, как это бывает, «бытовухой» либо рацию, осмыслением без чувства. Дар, лирический по природе, себе не изменяет. Но реализуется он всё более виртуозными – хотя по-прежнему «воздушными» – путями: расширяется поле зрения (и не только в пространстве, но и во времени); всё острее и слух, и вкус к слову, к звучанию; всё больше тем и вариантов воплощения. Стихи живут сами собой, как бы чернила с течением времени не высыхают. И это, по-моему, главное.

Евгения ИЗВАРИНА

Благодарим Екатерину Симонову за то чудесное отрицание тоталитаризма вербальной реальности и пристальное всматривание в тени вещей, про которые Тютчев сказал, что человеческая жизнь «не дым, а тень, бегущая от дыма». В результате такого недоверия и такого всматривания много чего может появиться на свет – фрагмент реальности, например. Немногие поэты могут этим похвастаться. Луну в воде можно попытаться принять за реальность, а можно, шагнув на неё, уйти в действительную реальность по примеру Ли Бо.

Андрей ТАВРОВ

Посвящается трём Е.С.

Предисловие

Зеркальная память (Е.С. от Е.С. Ночные письма)

...Твой опыт – не мой опыт, поскольку и время опыта меняется. Я люблю тебя. Я съела твоё яйцо. Снег в Петербурге. Я умру, но ты мне так и будешь снится. Не мучай меня так долго. Я знаю, что ничего не могу сделать, просто вообще ничего, всё бессильно, пока жива. Я люблю тебя. Я люблю тебя. Повторение.

...Есть люди, несущие в себе – передающие через себя – несчастье. Это не значит, что они так или иначе открыто несчастны: неизлечимо больны, откровенно уродливы, с детства отягощены багажом трагедии, которую пережили, будучи неспособны её себе объяснить. Напротив, это, как правило, обаятельные, умные, одарённые и успешные, по внешним меркам, люди. Их ядро, бессознательное, природное – усилитель присущего изначально в той или иной степени каждому страха собственного бессилия, которое так велико в них, что не может удерживаться в пределах одной жизни. Именно этот живущий в них, как противоположность дару, усилитель первородного ужаса объясняет их тягу к людям, несущим в себе гармонию. Насколько сильна гармония мира в выбранном ими её носителе? Выдержит ли, сотворит ли, с болью и кровью, себе прививку? Гармония потому и гармония, что едина во всём мире, и если кто-то, ей озарённый так же изначально, как и подверженный ужасу собственного бессилия, забудет об этом единстве, оно обязательно вспомнит об этом первым.

...С одной стороны, мне нужно уйти отсюда, и это – дом-кресло, диван-плато, плед с павлином, балкон и единственное на перекрёстке дерево под ним, пять высохших роз, похожих на крупные опрокинутые маки, ленты старых перламутровых обоев, как отвороты воротника, с треском всё глубже раскрывающие холодное горло стены, картина учителя композиции, найденная в кладовке – всё это сейчас пустеет, давая выдуть нажитую душу.

С другой стороны, опомнясь, я говорю: – Боже, я поняла, что за озеро— искрящееся, спокойное, чистое до умопомрачительной глубины дна – было явлено мне навстречу. Уже бесконечно счастливое – ощущением себя неостановимой, незамерзающей частью стынущего мира, не знающее надежды быть узанным любимым человеком. Но я сама, рыдая, теряя от боли и страха память об устремлённой ко мне любви, молю о спасении – сохранении – дышащего дыхания. Не отыми от меня возможность снова и снова вспыхивать сиянием нашей близости.

...Успокоилась. Поняла: пребывать в красоте постоянно не получается не потому, что недостаточно воли или денег, а потому что лето кончается всё равно.

...В балконном ящике с лебедой распустился цветок, небольшой, терракотовый, сердцевинка жёлтенькая, яркая. Форма лепестка – как след лапки утёнка. Я хочу сказать, что простить тому, кого любишь, его невымышленность, это как выплакать все глаза, сносить сто сапог, испить мёртвой воды, очнуться от брызг живой. Со стыдом вспоминать о муках – о радости вымысла без стыда.

...Непрерывности, не непрерывного ужаса. Приснилось, что я долго-долго плачу навзрыд в кафе. Это самое лучшее, чтоб ненадолго выйти из тьмы непрерывного ужаса. Из-за того, что вплотную подобралась. Реальность, ото лжи почти сон, отчётливей и отчётливей. Задыхаюсь от страха. Поняла: убивают, когда подбираются к их одиночеству. Страх за свою свободу, понятую как осознанное безумие. ...В сторону человечности.

...Больше всего – промежуток весны между сияющим таянием и листьями, когда краски – земля, асфальт. Сухо, пыль, приглушённый пепельно-золотистыми облаками солнечный свет чувствуешь, как впервые.

... В дорогом магазине висело очень нравящееся мне серое полупальто. Шли годы, рушились здания и судьбы, я переезжала, пальто висело. Теперь оно будет со мной, только со мной, всегда, потому что мне больше не будет холодно.

...Произошло смешение городов. Похожим на Петербург может быть только родной город. Смысл ощущения – в утробе, в единственной естественной и изначально родной среде, в необыкновенно густом, любящем пространстве, дающем жизнь, обволакивающим, оберегающим и обладающим памятью – твоей. Я говорю (говорить означает дарить себя), и на смелость сказанного благодарно отзывается, включает меня в непрерывное, будущее вращение эта утроба, мир. Боль ощущается мной тогда, когда бывшее мной и отданное мной само разрывает со мной связь, чтобы стать собой.

Нижний Тагил – Санкт-Петербург – Нью-Йорк
Елена СУНЦОВА

ВДОХ —

«Она плачет в твоём сне...»

Она плачет в твоём сне
Разливая волосы по воде
Развешивая волосы во дворе
Они сохнут и хлопают на ветру

Волосы заполняют сад

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.